На правах рукописи

Лобачёва Дина Викторовна

РОМАН И.В. ГЕТЕ «СТРАДАНИЯ ЮНОГО ВЕРТЕРА»: РЕЦЕПЦИЯ В РОССИИ (XVIII–XIX вв.)

Специальность 10.01.01. – русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Томск–2005

Работа выполнена на кафедре романо-германской филологии

Томского государственного университета

Научный руководитель – доктор филологических наук,
профессор О.Б. Кафанова

Официальные оппоненты – доктор филологических наук,
Р.Ю. Данилевский

кандидат филологических наук,
доцент В.В. Максимов

Ведущая организация – Кемеровский государственный университет

Защита состоится «13» апреля 2005 г. в 12 ч. 00 мин. на заседании диссертационного совета Д.212.267.05 по присуждению ученой степени доктора филологических наук при Томском государственном университете по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Томского государственного университета.

Автореферат разослан «9 » марта 2005 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук
профессор Л.А. Захарова

Общая характеристика работы

Данное диссертационное исследование посвящено анализу восприятия романа И.В. Гете о Вертере в России конца XVIII и всего XIX вв. В настоящее время одним из важнейших направлений современного литературоведения является изучение явлений мирового литературного процесса с позиции межкультурной коммуникации. Рецепция романа «Страдания юного Вертера» (1774) – одна из ярких страниц истории русско-немецких литературных связей, раскрывающих на примере функционирования художественного произведения инонационального писателя своеобразие русского литературного и культурного процесса.

К изучению романа в целом и его отдельных аспектов в разное время обращались немецкие гетеведы: историю создания произведения и творческую лабораторию молодого Гете исследовали Л.-Х. Александер (1959) и К. Ротманн (1971); сравнительный анализ второй редакции «Вертера» (1787) и его первоначального варианта проделали Г. Рисс (1924) и Д. Вельц (1973); языковые и стилистические особенности гетевского романа представил В. Ланге (1964); Х. Шёффлер (1956) впервые концептуально осмыслил значение и функции библейских цитат в «Вертере»; наконец, интерес к социальной проблематике романа обусловил появление различных идеологических интерпретаций, наиболее ярко представленных в работах Г. Лукача (1936) и К.Р. Шерпе (1970). Во второй половине 1980-х гг. распространение получили психологические и психоаналитические интерпретации «Вертера» в трудах В. Кэмпфера (1979), Х. Шмидта (1979), Р. Майер-Калькуса (1977), К. Вагенкнехта (1977).

Современные немецкие литературоведы не оставили без внимания и проблему рецепции гетевского романа. Г. Егер (1984) обратился к изучению его художественного восприятия в первой половине XIX и начале XX вв., когда свойственная ему абстрактная эмоциональность и риторический пафос стали предметом пародий и сатир. И. Энгель в диссертационном сочинении «Вертер и вертериады» (1986) представила эпигонские подражания знаменитому произведению в историческом и культурном контексте эпохи сентиментализма. Отдельные аспекты рецепции знаменитого произведения в России конца XVIII–начала XX вв., а также некоторые примеры функционирования образов Вертера и Лотты в русской литературе конца XVIII в. нашли отражение в монографии В. Эггелинга и М. Шнайдера (1988)[1].

Восприятие романа Гете привлекало внимание и отечественных историков литературы. В.В. Сиповский (1906) рассмотрел воздействие «Вертера» на развитие русской оригинальной прозы XVIII в. В.А. Розов (1908) и П.Н. Берков (1968) обратили внимание на вертеровские мотивы в «Евгении Онегине» А.С. Пушкина. Среди исследований, касающихся проблемы восприятия романа в России, необходимо назвать работы С.Н. Дурылина (1932), статьи разных лет С.В. Тураева (2002) и Р.Ю. Данилевского (1999). Одной из основополагающих, классических работ по русской рецепции всего творчества великого немецкого писателя является книга В.М. Жирмунского «Гете в русской литературе» (1937). Историю создания и причины небывалого резонанса произведения Гете в мировой культуре подробно исследовал М.И. Бент в книге «”Вертер, мученик мятежный…” Биография одной книги» (1997). Теме преломления образов романа Гете в творчестве русских писателей XVIII и первой трети XIX вв. посвящен раздел монографии Н.Д. Кочетковой (1994) и работы Г.В. Стадникова (1999, 2003).

Вместе с тем названные труды не дают общей картины рецепции романа Гете о Вертере в России и не выявляют тенденций и закономерностей его вхождения в русскую культурную среду на протяжении XVIII–XIX вв., что позволяет говорить о необходимости более системного и комплексного подхода к проблеме.

Актуальность работы обусловлена возросшим интересом современного литературоведения к историко-функциональным исследованиям и проблемам компаративистики, имагологии, переводоведения и рецептивной эстетики в аспекте литературных взаимосвязей России и Западной Европы. Комплексное изучение рецепции романа Гете «Страдания юного Вертера» в России (конца XVIII–XIX вв.) позволяет поставить ряд актуальных вопросов, таких как эволюция принципов художественного перевода в системе межъязыковой литературной коммуникации, особенности бытования художественного произведения в инонациональной культуре. Заданное с самого начала широкие хронологические рамки дают возможность проследить восприятие мотивов романа в их движении, изменении и трансформации; при этом представляется целесообразным разграничить основные (сюжетные) мотивы, обозначенные как «ядро», и периферийные мотивы (т.е. не связанные с сюжетом). Таким образом, в исследовании актуализируется современная проблема мотивологии и уточняются некоторые ее дискуссионные вопросы.

Материалом исследования являются:

во-первых, русские переводы романа Гете «Страдания юного Вертера», выполненные в конце XVIII и на всем протяжении XIX вв.;

во-вторых, обширный материал русской периодики, представляющий собой большой корпус статей и высказываний о «Вертере», а также критические рецензии на русские переводы романа.

в-третьих, произведения русской художественной и переводной литературы конца XVIII и XIX вв., авторы которых вступали в разные формы диалога с романом Гете о Вертере.

---

[1] Eggeling W., Schneider M. Der russische Werther. Analysen und Materialien zu einem Kapitel deutsch-russischer Literaturbeziehungen. München, 1988.

Целью работы является изучение истории восприятия романа «Страдания юного Вертера» Гете в России на протяжении XVIII и всего XIX вв.

В соответствии с поставленной целью в настоящем диссертационном исследовании предполагается решить следующие **задачи:**

1. Собрать и осмыслить, по возможности, полный спектр материалов, характеризующих восприятие «Вертера» Гете в России в конце XVIII и XIX вв.;
2. Исследовать принципы переводов романа о Вертере на русский язык в исторической перспективе;
3. Выявить особенности рецепции «Вертера» в русской критике XVIII и XIX вв.;
4. Проследить процесс творческого усвоения и поэтического истолкования мотивов гетевского романа в оригинальной и переводной художественной литературе;
5. Представить и осмыслить «русский вертеризм» в целостном виде;
6. В рамках проблемы рецепции автора/произведения в межкультурной коммуникации выявить «смещение смысла» (В. Земсков), которое является неизбежным и обязательным механизмом перевода инонационального произведения из одного культурного контекста в другой;
7. На примере многоаспектной рецепции «Вертера» Гете в России конкретизировать механизм восприятия инонационального произведения в ракурсе межкультурного диалога и внести терминологическую ясность в такие понятия, как «вертеровский мотив», «вертериады», «вертеризм».

Теоретической основой предлагаемого диссертационного сочинения является методология отечественной литературоведческой компаративистики, разработанная А.Н. Веселовским, М.П. Алексеевым, В.М. Жирмунским, Ю.Д. Левиным, Р.Ю. Данилевским и другими представителями в основном петербургской школы сравнительного литературоведения. Исследование принципов и эволюции художественного перевода осуществляется с опорой на работы Г.А. Гуковского, Ю.Д. Левина, П.М. Топера и др. Основой для изучения культурологического контекста стали труды Ю.М. Лотмана, В.М. Жирмунского, В.Е. Багно. При интерпретации художественного текста использовались концепции и идеи таких авторитетных ученых, как Ю.Н. Тынянов, Б.В. Томашевский, П.Н. Берков, В.Е. Хализев, В.И. Тюпа и др.

Механизм рецепции «Вертера» Гете в России конца XVIII и XIX вв. реализуется через изучение целостного восприятия самого романа, его автора и героя – Вертера.

Научная новизна определяется многоуровневым характером проблемы:

1. В диссертации представлен новый тип исследования: многоаспектный процесс рецепции романа И.В. Гете «Страдания юного Вертера» рассматривается как одно из уникальных явлений, во многом определивших или отразивших специфику русского культурного и литературного сознания конца XVIII и XIX вв.;
2. Собран и концептуально осмыслен обширный материал немецкого гетеведения и рассмотрены основные научные концепции восприятия «Вертера» в Германии;
3. Установлены формы и характер восприятия «Вертера» Гете в произведениях русской оригинальной и переводной художественной литературы XVIII и XIX вв.;
4. В процесс исследования художественного восприятия «Вертера» впервые включены многочисленные произведения писателей «второго ряда», которые наиболее ярко характеризуют литературные приоритеты и читательские вкусы разных эпох;
5. Намечена эволюция русской рецепции «Вертера» Гете в связи с логикой развития русской литературы;
6. Поставлена проблема механизма рецепции и адаптации произведения в ином культурном пространстве и обозначена рецептивная модель романа Гете о Вертере в русской культуре конца XVIII–XIX вв.

Вместе с тем в диссертации сделана также попытка концептуально представить такие понятия, как *вертеровский мотив, вертериада, вертеризм.* Под «вертеровскими мотивами» мы понимаем активные, акцентированные компоненты художественной ткани, обнаруживающие связи с «миром произведения» Гете на уровне его различных пластов (литературных персонажей; «мира вещей», организации хронотопа, особенностей психологизации природы и пейзажа, а также воспроизведения «сюжетных ходов» романа).

Общее смысловое пространство, объединяющее различные репрезентанты вертеровского мотива, в диссертационном исследовании обозначаются «семантическим полем» романа Гете. Оно состоит из «ядра» и «периферии». В состав ядра входят мотивы, связанные с сюжетным действием «Вертера» (любовный треугольник и его трагическое разрешение, самоубийство из-за несчастной любви, сословные противоречия, препятствующие самореализации личности и т.д.). Остальные мотивы располагаются на периферии семантического поля, в отрыве от сюжета романа Гете (размеченные по часам предсмертные дневниковые записи героя, роковые пистолеты, черные глаза Лотты, книга о Вертере и т.д.). Обнаружение и интерпретация «вертеровских мотивов» находится в непосредственной зависимости от индивидуальных способностей реципиента, его концептосферы (культурологическая интуиция, культурная память читателя).

Для обозначения произведения, связь которого с гетевским «Вертером» имеет характер пассивного заимствования, т.е. подражания, применяется термин немецкого гетеведения – *«вертериада»* (тогда как в отечественном литературоведении не закрепилось различия между понятиями «вертериада» и «вертериана»). По аналогии с «вертериадой» мы применяем термин *«лоттиада».*

Понятие *вертеризм*, являясь производным от имени героя, обладает конкретной предметной соотнесенностью с «производящей основой». Оно употребляется для обозначения особого мироощущения,

неразрывно связанного с определенной системой ценностей, в основе которой лежит ориентация на образ гетевского Вертера.

Специфика исследуемого материала, а также современный подход к его изучению обусловили **основные методы исследования** – сочетание сравнительно-типологического, историко-литературного и структуралистского методов. Используются также элементы герменевтического, историко-функционального, психологического и культурологического подходов в их взаимодополняемости.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что его результаты способствуют уточнению многих уже сложившихся представлений о той роли, которую сыграл Гете как автор романа о Вертере в развитии русской культуры конца XVIII и всего XIX вв. Вместе с тем в диссертации затрагивается целый ряд важных аспектов рецептивной эстетики (продуктивность межкультурной коммуникации; механизм рецепции и адаптации произведения в инонациональном пространстве) и теории художественного перевода (проблема переводной множественности, влияние личности переводчика на особенности воссоздания оригинала).

Практическая значимость диссертации заключается в возможности широкого использования ее основных положений и фактических материалов в филологическом дискурсе при разработке курсов истории русской литературы конца XVIII и XIX вв., при чтении лекций о русско-немецких литературных связях, в спецкурсах и спецсеминарах по творчеству Гете, историко-функциональному изучению литературы, а также истории и теории перевода.

Апробация работы. Отдельные положения диссертации обсуждались на международной конференции «Компаративистика на пороге XXI века», посвященной 100-летию со дня рождения профессора А.Л. Григорьева» (СПб., 2004); международной научно-практической конференции «Язык в поликультурном образовательном пространстве» (Томск, 2002); общероссийской межвузовской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (Томск, 2003); межвузовской научно-практической конференции «Язык и межкультурная коммуникация» (СПб., 2004); юбилейной конференции «Русская литература в современном культурном пространстве», посвященной 100-летию ТГПУ (Томск, 2002); региональных конференциях «Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и журналистики» (Томск, 2002, 2004),

Структура работы определяется поставленными задачами и исследуемым материалом. Текст диссертации состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, включающего 272 наименования.

Содержание работы

Во **введении** обосновывается выбор темы, ее актуальность и научная новизна, определяется объект изучения, излагается история вопроса, характеризуется методологическая база диссертационной работы, раскрываются ее теоретическая и практическая ценность, формулируются цели и задачи.

В **первой** главе **«Роман И.В. Гете “Страдания юного Вертера” в контексте русской литературной и культурной жизни конца XVIII века»** представлена общая картина раннего этапа вхождения Гете и его романа о Вертере в русское культурное пространство. В **первом** разделе **«Ранняя переводческая рецепция “Вертера” Гете в России»** анализируются переводы как важнейший фактор творческого восприятия и осмысления инонационального произведения.

В параграфе «Первый перевод романа И.В. Гете “Страдания юного Вертера” на русский язык (1781)» рассматривается перевод Ф. Галченкова в связи с данной ему негативной оценкой в «Санкт-Петербургском вестнике». Лингвостилистический анализ показал, что переводчик часто не улавливал смысловых оттенков подлинника и особенностей индивидуального стиля Вертера (как автора писем). Его оппонент Г.Л. Брайко дал свой вариант фрагмента романа, переведя отрывок из песен Оссиана (которые впервые появились в России в составе романа о Вертере, но были сокращены Галченковым до нескольких строк). Характерной чертой этого перевода является частое использование славянизмов, что сообщает его тексту архаистический оттенок литературного языка XVIII в. Он отличается текстуальной близостью к оригиналу, граничащей с буквализмом. Вместе с тем перевод Брайко имеет несомненную ценность и может быть включен в библиографию переводов «Вертера» Гете в России конца XVIII в.

Во втором параграфе «Псевдоновый перевод И. Виноградова (1796)» дается характеристика следующего по времени русского перевода романа о Вертере. В целом исправления Виноградова имели характер стилистической правки, которая «модернизировала» первоначальный вариант Галченкова.

Вместе с переводом Виноградова был опубликован русский вариант анонимного английского сочинения «Письма Шарлотты к Каролине, писанные во время ее знакомства с Вертером» (1786), в котором события гетевского романа были поданы от лица героини. Такая зеркальная композиция давала возможность сопоставить женскую и мужскую особенности мировидения и проследить преломление событий под воздействием гендерного фактора. Письма Шарлотты выдержаны в сентиментальном ключе, отражают переживания добродетельной и чувствительной героини и несоизмеримы с иррациональным восприятием жизни, страстным напряжением чувств Вертера – «бурного гения».

В третьем параграфе рассматривается новый перевод «Вертера», над которым совместно работали Ан. Тургенев и А. Мерзляков (1798–1799). До недавнего времени результат этого творческого сотрудничества был известен только по одному опубликованному отрывку – «Письму к другу» (1798) Ан. Тургенева. В выбранном для перевода фрагменте акцентируется внимание не на сюжетно-событийной канве романа, а на глубоком

лиризме и философском подтексте темы природы, при этом литературный жанр дружеского письма с его тяготением к исповедальности максимально соответствует этой художественной задаче. Благодаря расшифрованной В.Н. Топоровым[2] рукописи перевода в диссертации проведен сравнительно-стилистический анализ еще нескольких отрывков романа. Тургенев гораздо ближе подходит к эмоциональному стилю оригинала, чем его предшественники. Можно говорить о более глубоком понимании лирико-философской структуры гетевского произведения, что приводит в итоге к созданию им перевода, близкого по настроению немецкому «прообразу». Мерзляков не всегда точно воспроизводит образно-смысловую ткань оригинала. Встречая какие-либо сложные для перевода места, он нередко допускает отступления от переводимого текста, прибегая к описательным конструкциям.

Второй раздел **«Западноевропейские подражания “Вертеру” Гете в русских переводах»** посвящен художественному восприятию гетевского романа, которое происходило через переводы на русский язык немецких и французских «лоттиад» и «вертериад».

В первом параграфе «Страдания юной Лотты: переводные “лоттиады”» анализируются поэтические вариации, в которых история несчастной любви получает свое объяснение с женской точки зрения. Сопоставительный анализ немецкого стихотворения К.Э. Рейтценштейна «Лотта при гробе Вертера» (1775) и отклика на эту тему Д. Баранова «Шарлотта при гробе Вертера» (1787) обнаружил внутренние различия в трактовке и культурном восприятии ставшей уже стереотипной ситуации. В русской «лоттиаде» преобладает христианское смирение героини и вера в «спасение», что вполне соответствует православной идее. Бог для героини Баранова связан с категорией «чудесного», типичной для национальной религиозной ментальности. У Рейтценштейна поэтическое повествование окрашено верой героини в справедливость Высших Сил, которые не допустят жестокости.

Внимание привлекают также три русских вариации французской «лоттиады». Первая из них написана воспитанником Вольного благородного пансиона при Московском университете Д.И. Вельяшевым-Волынцевым («На гроб Вертера», 1789) и имеет характер ученического перевода. Автор второй – «Шарлотта на Вертеровой гробнице» (1792), – подписался инициалом С.; она выполнена в соответствии с новыми литературными вкусами карамзинской школы и органично интегрирует свойственную сентиментальному мышлению лексику. Третий перевод принадлежит перу П. Голенищева-Кутузова: «Плач Шарлоты на гробе Вертера» (1803). Сопоставление всех трех стихотворных «лоттиад» выявляет их сюжетную близость и отражает постепенный процесс становления новой литературной нормы. Участие немецких и французских посредников в процессе художественного восприятия «Вертера» позволяет сделать вывод об «ученическом» характере ранней рецепции романа Гете в России.

Во втором параграфе рассматриваются французские подражания «Вертеру» в русских переводах: анонимная драма «Несчастная любовь» (1774) и роман «Стеллино, или новый Вертер» (1791–1793) Ж.-А. Гурбийона. Развитие сюжета французской драмы в своих основных моментах повторяет событийную линию немецкого романа. При этом неизвестный французский автор фактически «подогнал» сюжет новаторского по поэтике штюрмерского произведения Гете под традиционные каноны классицизма. Трансформации подверглась и слишком простая для него интрига «Вертера», которая не соответствовала представлению о романе как наборе хитросплетенных авантюр.

Гурбийон, напротив, оценил новаторство Гете в изображении страстного и иррационального характера. Однако романист, воспитанный в обстановке рационалистического искусства, еще слабо владел принципами психологизма и лирического повествования, что при изображении душевных страданий отражалось в довольно рационалистических обобщенных раздумьях. Таким образом, начиная с переводов поэтической «лоттиады», гетевский «Вертер» постепенно воспринимается в русле нравоучительного романа, а затем и в духе французского предромантизма.

В **третьем** разделе **«Отголоски “Вертера” в русской художественной литературе конца XVIII века»** анализируются русские литературные подражания в прозе и поэзии, а также творческие истолкования романа Гете о Вертере, делается вывод о характере художественного усвоения «Вертера» в эпоху сентиментализма.

В массовой литературе 1790-х–начала 1800-х гг. почти в каждом, даже самом незначительном встречаются упоминания о романе Гете, пассивные заимствования из него, назойливое повторение и эклектическое варьирование хорошо известных литературных тем, сюжетов и мотивов.

В качестве объекта исследования в первом параграфе выступает объемный корпус художественных текстов: Н. «Роза, полусправедливая оригинальная повесть» (1786) и «Игра судьбы» (1789) Ф. Эмина, «Несчастный М-в, оригинальный анекдот» А. Клушина (1793), «Вечер на горе Могой» (1794) и «Несколько писем моего друга» Н.С. Смирнова (1794), «Отчаянная любовь» Арк. Столыпина (1795), «Пламир и Раида» Д.П. Горчакова (1796), «Весна» (1796) и «Майское утро» (1797) П.Н. Шаликова, «Часы задумчивости» (1799) Я.А. Галинковского, «Российский Вертер» М. Сушкова (1801), анонимный рассказ «Дорога к селу» (1798) и повесть «Платок» (1811).

---

[2] См.: Топоров В.Н. Из ранней русской «вертерианы»: об одном опыте перевода «Die Leiden des jungen Werthers» // Материалы конференции, посвященной 110-летию со дня рождения академика В.М. Жирмунского. СПб., 2001. С. 225–233.

Анализ представленных «вертериад» позволил выделить следующие тенденции в творческом восприятии романа о Вертере русскими писателями «второго ряда». С одной стороны, они апеллируют к сюжету гетевского романа, актуализируя в своих произведениях ядро семантического поля вертеровского мотива. Происходит упрощение трагедии гетевского героя до любовной истории с печальным концом, преувеличивается лиризм и патетичность «свободного языка» Вертера и его возлюбленной, культивируется нарушение грамматических норм речи. Конфликт сосредоточен исключительно в области душевных переживаний, где противоречивость вертеровского характера и его «дружеские» отношения с Альбертом редуцируются до черно-белой схемы положительного во всех отношениях героя и злого, «нечувствительного» соперника.

Наряду с варьированием сюжетных линий «Вертера» в этих подражаниях развитие получают и периферийные мотивы романа Гете в подчеркнуто сентименталистской интерпретации: мотив совместного чтения и прогулок «чувствительных» героев, мотив предсмертного подарка другу, мотив книги о Вертере и т.д.

Общая ситуация несчастной любви и отдельные мотивы, закрепившиеся в сентиментально-элегическом жанре, представлены также в поэтических «вертериадах»: анонимное «Письмо Вертера к Шарлотте», «Эпитафия» П. Шаликова (1805); «Вертер к Шарлотте» В.И. Туманского (1819); «Вертер к Шарлотте» А. Козлянинова (1820) и др.

Во втором параграфе раскрывается своеобразие творческого переосмысления вертеровских мотивов в повести Н.М. Карамзина «Бедная Лиза» (1792) и эпизоде из «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева (1790).

«Бедная Лиза» Н.М. Карамзина рассматривается в одном ряду с романом Гете о Вертере не по принципу сюжетного сближения, а по своему рецептивному воздействию. Оба этих произведения совершили переворот в читательском сознании Германии и России, став символом эпохи человеческой и сословной эмансипации. Их литературные сюжеты были восприняты как жизненно достоверные, а герои – как реальные люди. Сентименталистская поэтика повести Карамзина во многом повлияла на процесс усвоения «Вертера» в русской литературе, создав собственную парадигму подражаний. В этом ряду особое место занимает повесть П.И. Шаликова «Темная роща, или Памятник нежности» (1801): она принадлежит к тем эпигонским произведениям, которые, подражая иногда сразу нескольким художественным образцам, являются плодом литературной моды.

В свете пушкинской интерпретации главы «Клин» из «Путешествия» А.Н. Радищева анализируется функционирование периферийного мотива семантического поля «Вертера» – мотива платка, подаренного путешественником нищему певцу. Пушкин, акцентируя свое внимание на связи традиций сентиментализма в произведении Радищева с «Вертером» Гете, подтвердил принадлежность опального автора к общеевропейскому литературному наследию и впервые ввел в литературный оборот эту культурную взаимосвязь.

В **четвертом** разделе **«Роман Гете о Вертере как феномен русского быта»** внимание сосредоточено на бытовании произведения в русской культуре и влиянии образа гетевского героя на поведенческую модель русской молодежи. Интересным свидетельством русского вертеризма является рассказ П.А. Вяземского о поэте Е.И. Кострове; яркий пример «олитературивания» бытового поведения, стремление выражать собственные чувства словами любимых героев отражено в письмах А.Я. Булгакова. Первым отголоском «смертельно опасного» влияния «Вертера» на молодое поколение стало самоубийство юного дворянина М. Сушкова – автора повести «Российский Вертер». Сильное влияние «Вертера» также ощутил на себе талантливый переводчик гетевского романа – Андрей Тургенев. Стихотворные строки, которыми он сопроводил подаренный В.А. Жуковскому немецкий экземпляр «Вертера», могут интерпретироваться как памятник раннего русского вертеризма.

О «чувствительных» почитателях «Вертера» в середине XIX в. сообщил журналист А. Кауфман в журнале «Наша старина». Намерение умереть, обстоятельно обсуждаемое «русскими» Вертерами, обнаруживало болезненную жажду афишировать свое отчаяние, привлечь к себе праздное любопытство. В результате дискредитировался как пафос саморазрушения, так и сопровождающее его разочарование в жизни, тогда как Гете в мироощущении Вертера документально запечатлел социально-психологический симптом своего времени.

Официальная точка зрения органов власти и защитников традиционного церковного мировоззрения на гетевский роман представлена в мистифицированном высказывании Николая I, опубликованном в «Записках А.О. Смирновой», созданных на самом деле в 1892 г. О.Н. Смирновой, дочерью знаменитой современницы Пушкина и Гоголя. Оно передает типичную для аристократического дискурса рецепцию романа Гете со свойственным ему неприятием самоубийства.

В целом воздействие на русскую читающую публику литературного опыта Гете в конце XVIII в. было вызвано восторженным отношением одновременно к роману о Вертере, его автору и герою. Неповторимость индивидуальной личности, которую гениально запечатлел Гете, делала Вертера более живым и запоминающимся, нежели все прежние литературные герои. При этом слог романа вовлекал читателя в ритмику взволнованного лирического повествования, а сюжетные переклички с реальными событиями способствовали восприятию художественного произведения как документа, сколка жизни.

Вторая глава **«Судьба гетевского “Вертера” в первой трети XIX века»** посвящена изучению рецепции целостного феномена – самого романа, его автора и героя – в разных социокультурных кругах в новый период развития русской литературы.

Первый параграф построен на материале критических статей из журналов «Аврора», «Аглая», «Улей», «Соревнователь просвещения и благотворения», «Телеграф», «Телескоп». В формировании русской концепции Гете и Вертера заметную роль в это время играла французская и немецкая литературная критика. Отечественные журналы, как правило, популяризировали близкие своим направлениям критические суждения о нарушении моральных установок и отсутствии воспитательной функции в романе Гете. Новые смысловые грани в трактовке вертеризма обозначил В.К. Бриммер в «Разговоре о чувствительности между Чувствительным и Хладнокровным» (1818), из которых на первый план вышли болезненное угнетенное состояние, чрезмерная мнительность и склонность к мрачным мыслям.

В русской беллетристике 1810–1820-х гг., обзор которой представлен во втором параграфе, отражена тенденция перехода от восторженной интерпретации романа о Вертере и его героя к их более сдержанному истолкованию как знака романтического идеала, оторванного от реальной жизни. Эта установка проявляется в анонимном рассказе «Самоубийство» (1810) и повестях «Подземная пещера и чувство невинной любви» (1804) и «Невидимка, или Таинственная женщина» (1815). Наиболее отчетливо «борьба с вертеризмом» как «программой жизни» представлена в беллетристических опытах А.В. Никитенко: «Музариона, или Картина человеческих страстей» (1822), «Картина чувствований» (1825), «Леон, или Идеализм» (1828).

К середине 1830-х гг. России художественное творчество перестает быть уделом немногих избранных и постепенно становится средством массового коммуникативного процесса. В рецепции «Вертера» в России в этот период наметился новый поворот: из московских дворянских кругов роман проникает в усадьбы и провинцию. Так, изображая картину русских провинциальных нравов в повести «Матушка и сынок» (1833), О.М. Сомов декларирует концепцию национального романтизма и высмеивает «читательские» вкусы своих героев, воспитанных на образцах западной литературы.

В третьем параграфе «Пушкинский образ Гете и Вертера» обобщаются существующие в отечественном литературоведении интерпретации вертеровских мотивов в «Евгении Онегине» (В.А. Розов, П.Н. Берков, Ю.М. Лотман, А.Е. Тархов, И.Н. Лагутина). Представление Пушкина о великом немецком писателе (и о немецкой литературе в целом) было опосредовано знаменитой книгой «О Германии» Ж. де Сталь. Однако сквозь чужую трактовку поэт сумел уловить дух немецкого оригинала, подобрав для характеристики Вертера емкое определение «мученик мятежный», перекликающееся с автохарактеристикой гетевского героя. Вместе с тем «олитературенное» поведение Ленского и Татьяны позволяет сделать вывод о том, что в образах этих героев Пушкин отобразил читательские вкусы дворянской провинции 1820-х гг., увидевшей в чувствительности и меланхоличности Вертера отражение своих собственных чувств и настроений. Пушкинское восприятие гетевского героя стало основополагающим для поколения декабристов, которые читали «Вертера» как историю о человеке неудачливом и слабовольном, но искреннем и горячо протестующем против феодально-иерархического уклада жизни. Весьма показательна в этом отношении позиция В.К. Кюхельбекера.

На примере нового русского перевода «Вертера», сделанного Н.М. Рожалиным (1829) в четвертом параграфе изучаются особенности романтической интерпретации гетевского романа на новом витке его популярности в 1830-е гг. За свои странности, склонность к меланхолии и одиночеству Рожалин даже получил прозвище «московский Вертер» («Вертер aus der Stadt Moskau»). Эта духовная близость с немецким героем, по-видимому, позволила ему, в отличие от других переводчиков произведения одинаково удачно воспроизвести не только сентиментальные эпизоды, но и напряженно-страстное и выражение чувств Вертера.

Перевод Рожалина получил в целом глубоко положительную оценку на страницах «Московского телеграфа», в журнале «Антей» и «Северная пчела», а высокая похвала В.А. Жуковского сделала этот перевод каноническим на протяжении всего XIX в.

Пятый параграф посвящен исследованию функционирования вертеровских мотивов в прозе писателя-любомудра В.Ф. Одоевского. В качестве эпиграфа к повести «Цецилия и Виченцио» Одоевский выбрал фрагмент из перевода Рожалина, где Вертер говорит о стихийности своей страсти, о невозможности вырваться из ее плена. В этом литературном предпочтении легко угадываются автобиографические мотивы личной драмы Одоевского, причиной которой стало его сильное, внезапно вспыхнувшее чувство к Н.Н. Ланской.

Эти следы драматических обстоятельств увлечения Одоевского несет и работа над «Пестрыми сказками» (1833). В качестве эпиграфа к «Той же сказке, только на изворот» выступает цитата из «Вертера», в которой современное дворянское общество характеризуется как «кукольное», «марионеточное». Размышления гетевского героя перекликаются с острой критикой Одоевского иностранного воспитания, калечащего, по его мнению, живые девичьи души. Элементы «фантастического» писатель соединяет с вопросами злободневно-социальными; сказка имеет ярко выраженное притчевое начало с морализаторской тенденцией. Современники пытались отыскать в «Пестрых сказках» отпечатки гофмановской традиции (А.С. Пушкин, Н. Полевой, П.А. Вяземский), тогда как Одоевский, расширяя границы немецкой романтической парадигмы, вписал в нее роман о Вертере и дал его периферийным мотивам самостоятельное звучание в духе философского романтизма.

В шестом параграфе обращение М.Ю. Лермонтова к мотиву завещания рассматривается в контексте гетевского романа. Устойчивый интерес поэта к «Вертеру» проявляется в функционировании вертеровских мотивов (любовный треугольник и его трагическое разрешение, трактовка самоубийства не как слабости, а как проявления человеческой гордости и торжества свободной воли) в драмах «Menschen und Leidenschaften» (1830) и

«Странный человек» (1831). В них Лермонтов отчасти воспроизвел свои отношения с Н.Ф. Ивановой, наделив главных героев автобиографическими чертами и собственным комплексом душевных переживаний.

К теме завещания поэт обращается в стихотворении «Дереву» (1830), автобиографической заметке «Мое завещание (про дерево, где я сидел с А.С.)» (1830), и, наконец, откровенно вступая в диалог с Гете, в «Завещании» (1831). Если для автора «Вертера» важна идея внесословной ценности человеческой личности, которая не утратила веру в общечеловеческие идеалы, то для Лермонтова с его романтическим максимализмом и субъективностью – на первом плане вера в бессмертие поэтического гения, таланта.

В **третьей** главе **«Особенности рецепции “Вертера” Гете в русском литературном сознании второй половины XIX века»** дается характеристика критического и художественного усвоения знаменитого романа, исследуются особенности переводческой рецепции «Вертера» этого периода.

В **первом** разделе **«“Вертер” Гете и русская литературно-критическая мысль 1840–1860-х гг.»** обозначены основные тенденции в истолковании творчества и личности Гете в то время, когда роман о Вертере привлекал внимание критиков главным образом как «памятник литературы», по которому можно изучать «историю общества» (В.Н. Майков).

Первый параграф посвящен восприятию целостного феномена Гете, его романа и героя в контексте идейно-общественной полемики, развернувшейся вокруг кардинальных проблем эстетики и философии искусства. Характер восприятия гетевской темы во многом определялся содержанием общественной и эстетической ориентации критика. В отношении к «Вертеру», в частности, наиболее ярко представлены концепция В.Г. Белинского, революционно-демократическая и эстетическая критика.

В эпоху увлечения гегельянством (1837–1840) с его поиском веры в действительность как нечто закономерное «Вертер», в отличие от остальных произведений немецкого автора, попал, по определению В.Г. Белинского, в неполноценную категорию «рефлектированной» поэзии, противоречащей высшему идеалу «объективности» и «непосредственности» произведения искусства. Однако уже в 1840-е гг., рассматривая «рефлексию» в контексте поисков новой, реалистической эстетики, критик утвердится в своем взгляде на роман Гете как выражение «духа времени», «вопль эпохи».

Обвинения романа в «безнравственности», а его героя в чрезмерной субъективности были отзвуком выступлений против Гете в 1830-е гг. в самой Германии, а также полемики, развернувшейся вокруг немецкого писателя в других европейских странах. Переводная статья из «Foreign Quarterly Review», опубликованная в петербургском журнале «Маяк современного просвещения и образованности» (1840) является ярким примером стремления привить «охранительный» дух отечественной литературе.

В начале 1840-х гг. А.И. Герцен противопоставляет субъективизму Вертера более широкие интересы современного человека, умеющего гармонично сочетать личные и общественные интересы. При этом он сближается с Г. Гейне в неприятии позиции героя, которой присуще отсутствие всякой общественной инициативы. С критикой «болезненного малодушия» Вертера выступил в 1850-е гг. и Н.Г. Чернышевский, эстетическая позиция которого была созвучна взглядам на гетевский роман Лессинга. Противоречивое развитие русской литературы этого периода проявилось и в глубоко положительной оценке «Вертера» представителем «эстетической критики» В.П. Боткиным. Опубликовав статью датского писателя Г. Брандеса, увидевшего в «Вертере» Гете «не личную страсть погибшего, но страсти, стремления и муки целой эпохи», редакция журнала «Дело» (1877) дала свою, социально-историческую интерпретацию образа «русского» Гете и его героя в духе «предвестия реальных революционных процессов».

Во втором параграфе представлена эволюция функционирования вертеровского мотива в неоконченном автобиографическом романе Н.А. Некрасова «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» (1843–848) и «Повести о бедном Климе» (1841–1848).

Вертеровский мотив, интерпретированный Некрасовым как конфликт героя-идеалиста с действительностью, воспринимается в контексте идей утопического социализма, развивающего культ сочувственного отношения к человеку, и репрезентирует демократические позиции писателя. С одной стороны, связь с сентименталистской поэтикой (и романом Гете) позволила Некрасову и писателям «натуральной школы» сделать маленького человека центром художественного мира и изобразить глубокие внутренние переживания его живой души, сохранившей тепло и щедрость, несмотря на все жизненные тяготы и невзгоды («Повесть о бедном Климе»). С другой стороны, в «Тростникове» отчетливо проступают тенденции нового демократического и социального романа.

В третьем параграфе внимание уделяется интерпретации вертеровских мотивов в русской беллетристике 1840–1860-х гг., магистральной линией которой становится дистанцирование от субъективного индивидуализма гетевского героя. При этом сохраняется глубокий пиетет по отношению к художественным и эстетическим завоеваний Гете, автора «Вертера».

Для многих произведений этого времени характерно восприятие романа Гете как опасной книги, а ее героя – как молодого человека с идеальными, оторванными от жизни стремлениями и мечтами, неизбежно приводящими к столкновению с действительностью. Это: «Два мгновения из жизни женщины» и «Бедная девушка» И.И. Панаева; «Мамзель Бабетт и ее альбом» С. Победоносцева; «Жизнь, как она есть» Л. Бранта; «Счастье лучше богатырства» Ф.В. Булгарина и Н.А. Полевого; «Записки петербургского чиновника старого

времени (Петра Ивановича Голубева)». Интересный пример функционирования периферийного вертеровского мотива – мотива лип – можно обнаружить в стихотворной повести Н.М. Языкова «Липы».

В четвертом параграфе освещается художественный процесс преодоления «вертеризма» в русских пародиях. В обстановке утверждения активной социальной позиции в жизни и литературе 1840–1860-х гг. **к**ритическая направленность «гоголевского направления» закономерно приводит к значительному росту юмора и сатиры. Осмеянию подвергается не художественное мастерство Гете, а нравственно-психологический тип героя. Само мироощущение Вертера с его верой в красоту человеческой души и поэтизацией действительности становится в русских пародиях некой инвариантной основой в воссоздании типичного для тогдашней русской жизни образа молодого человека. В качестве объекта исследования здесь выступают такие пародии, как «Страдания санкт-петербургского Вертера» (1847), «Самоубийство» (1848), «Биржевой сквер» Ж. Заречного (1850), «Изгоев» М. Михайлова (1855), «Вертер» Л.К. Лазаревича (1891).

Пятый параграф посвящен истолкованию русского вертеризма в повести И.С. Тургенева «Бригадир» (1867). В стремлении понять объективные тенденции и коренные вопросы русской жизни Тургенев обращается к изучению психологии людей конца XVIII в., в которой кроются, как ему представляется, коренные черты нации и эпохи. Душевная отзывчивость, способность любить искренне и самозабвенно сближает русского бригадира Гуськова с гетевским Вертером.

В шестом параграфе рассматривается вопрос об отношении к Гете и его роману в читательском восприятии Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого**.**

Интерпретация дневниковой записи Толстого от 29 сентября 1856 г. («Читал “Вертера”. Восхитительно».) через призму его романа с В. Арсеньевой демонстрирует, что, с одной стороны, русскому писателю в романе о Вертере были близки патриархальные нравы и идиллические семейные отношения, руссоистский культ «естественного» человека. С другой – он выступил против «высокой», но непродуктивной страсти гетевского героя.

Анализ эпистолярного наследия писателя показал, что даже придя к отрицанию «субъективной поэзии искренности» в духе молодого Гете (письмо к П.В. Анненкову, 1857), Толстой ценил это произведение за его способность глубоко воздействовать на читателя. Осуждая автора «Вертера» за отсутствие христианского смирения и религиозности, он тем не менее называл его самоубийство «значительным» и «величественным» (письмо к Н.Н. Страхову, 1873).

Размышляя в «Дневнике писателя» (1876) о русских самоубийцах, Ф.М. Достоевский сравнивал «безмыслие» их поступка с роковым решением гетевского героя. С одной стороны, Вертер вызвал глубоко положительный отклик в душе писателя своим «человеческим ликом» как гуманистический идеал европейской культуры. С другой стороны, Достоевский осознает необходимость разумного восприятия традиций западной цивилизации и формирует свое представление о своеобразии русского национального характера.

Самобытность позиции каждого писателя не мешает их единению во взглядах на особую духовность русского человека с признанием величия художественно-этических достижений Гете.

В седьмом параграфе проводится лингвостилистический анализ нового перевода романа Гете о Вертере (1865), выполненного А. Струговщиковым. Этот перевод появился тогда, когда «Вертер» перестал быть действенным фактором литературного процесса и был воспринят современниками как «несвоевременный» («Книжный вестник», 1865). Он был издан отдельной книгой и отличался тем, что в нем в форме обширного «литературно-исторического обозрения» впервые был собран и систематизирован материал о немецком романе и его зарубежной рецепции. Стремление обратить внимание русских читателей на «судьбу» романа и его немецкое «происхождение» позволяет говорить о том, что Струговщиков более широко подошел к пониманию самого явления «перевод» не только как трансформации текста из одной языковой системы в другую, но и как попытке его интегрирования в иную культуру.

Новый перевод не «превзошел» по своему художественному уровню перевод Рожалина, однако был опубликован в трех из четырех вышедших в конце XIX в. собраниях сочинений Гете, что подчеркивает его ценность в общей картине рецепции произведения.

Во **втором разделе** представлен новый образ Гете и его героя на рубеже XIX–XX вв. В русской культуре этого периода происходила мифологизация «конца века» как эпохи глобального психологического кризиса со свойственными ему болезненно развитым воображением, ощущением разочарования, гипертрофией чувствительности.

В таком сложном культурном контексте в свет выходят два новых перевода «Вертера» О.Н. Хмелевой (1893) и А.Р. Эйгеса (1893), анализу которых посвящен первый параграф. Особого внимания заслуживает деятельность А.Р. Эйгеса, который, выступив в роли биографа, комментатора и литературоведа, попытался разгадать секрет популярности романа. Главное достижение Гете как автора Вертера Эйгес увидел в создании литературного родоначальника такого типа людей «нервного» века, которые известны в настоящее время под именем «неврастеников». Он вписал роман о Вертере и его героя в литературный контекст эпохи, в период русского декаданса с его настроением упадка, утонченным эстетизмом и индивидуализмом.

В последнее десятилетие XIX в. в связи с развитием в России академических школ в литературе началось научное исследование как творчества Гете в целом, так и его романа о Вертере. Во втором параграфе рассматриваются первые труды отечественного гетеведения: А. Шахова (1891), Г. Александровского (1897), Н.

Котляревского (1898). Этих исследователей объединял общий взгляд на его героя как на тип человека, зараженного «мировой скорбью», пессимиста, потерявшего цель и смысл жизни.

Родоначальник психологической школы Д.Н. Овсянико-Куликовский не разделял взгляд на роман Гете и его героя как на продукт «определенного исторического момента». В статье «Гений Гете» (1899) он назвал «Вертера» «человеческим документом», в котором запечатлены субъективные, биографические переживания немецкого писателя.

Такое разнообразие трактовок романа Гете, его героя и автора свидетельствует о неисчерпаемом интерпретационном потенциале немецкого произведения и в тот период, когда оно заняло свое место в пантеоне литературной классики.

В заключении подводятся итоги исследования:

1. Процесс восприятия романа И.В. Гете «Страдания юного Вертера» связан с основными этапами критического осмысления художественного опыта немецкого писателя в России конца XVIII–XIX вв. и находится в зависимости от традиций и путей развития русской культуры и литературы.
2. В образе Вертера получила воплощение сентименталистско-просветительская концепция личности Гете, изобразившего боль и страдания духовно богатой личности в условиях антигуманной сущности современного общества, но сохранившего в душе глубокое уважение к общечеловеческим ценностям. Это понимание личности обусловило колоссальный резонанс романа и предопределило нравственно-этические и художественные искания как сентименталистов и романтиков, так и писателей-реалистов. В этом отношении каждая культурная эпоха имела *свой* перевод «Вертера», который был созвучен ей особенностями языка и стиля, а также отвечал внутренним потребностям переводчика.
3. Восприятие «Вертера» читательской аудиторией в разные эпохи отражало степень проникновения художественных открытий Гете в обыденное сознание, бытовое поведение. Многочисленные подражания гетевскому роману приняли в конце XVIII–начале XIX вв. характер литературной моды. Вертеризм как мироощущение гетевского героя стал моделью жизненного поведения для целого поколения читателей.
4. Процесс формирования «русского» Вертера имеет глубоко национальный характер, связанный с имагологическими изменениями, которым подвергался образ «немецкого» героя в результате его восприятия русской читающей публикой.

Проведенное многоаспектное исследование русской рецепции романа Гете о Вертере позволяет сделать вывод о ее глубоко самостоятельном национальном характере. Прослеживая судьбу рецепции целостного феномена самого романа о Вертере, его автора и его героя Вертера в разных слоях литературного сознания и в разные эпохи, можно лучше понять закономерности развития отечественной, а значит, и мировой культуры.

Работа завершается изложением перспектив дальнейшего изучения поставленной проблемы.

Основные содержательные моменты исследования отражены в следующих **публикациях**:

1. Лобачёва Д.В. Гетевский мотив в повести М.В. Сушкова «Российский Вертер» // Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и журналистики. Материалы III научно-методической конференции молодых ученых. – Томск: Изд-во ТГУ, 2003. – С. 103–106.
2. Лобачёва Д.В. «Несвоевременный» перевод романа И.В. Гете о Вертере // Наука и образование. Материалы VI Общероссийской межвузовской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2003. Т. 2. – С. 174–178.
3. Лобачёва Д.В. Роман И.В. Гете «Страдания юного Вертера» в период русского декаданса // Материалы II Международной научно-практической конференции «Преподавание иностранных языков в поликультурном образовательном пространстве». – Томск: Изд-во ТПУ, 2003. – С. 344–353.
4. Лобачёва Д.В. А.Р. Эйгес – интерпретатор и переводчик романа И.В. Гете о Вертере // Русская литература в современном культурном пространстве. Материалы II Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию ТГПУ. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2003. – Ч.1. – С. 151–158.
5. Лобачёва Д.В. Роман И.В. Гете «Страдания юного Вертера» и его рецепция в России //Содержательная и дидактическая интеграция в образовательном процессе: Сборник научно-методических работ. – Томск: Изд-во ТГУ, 2004. Вып. 2. – С. 38–52.
6. Лобачёва Д.В. Эволюция восприятия «вертеровского мотива» в «Евгении Онегине» А.С. Пушкина // Филология в XXI веке: проблемы и методы исследования. Материалы научной конференции «Пушкинские чтения». – СПб.: Изд-во САГА, 2004. – С. 144–147.
7. Лобачёва Д.В. Вертеровский мотив в «Пёстрых сказках» В.Ф. Одоевского // Язык и межкультурная коммуникация: Материалы 1-й межвузовской научно-практической конференции. – СПб.: Изд-во СПбГУП, 2004. – С. 186–189.
8. Лобачёва Д.В. Жанр письма как культурологический феномен в немецкой и российской культуре конца XVIII века. «Письмо к другу» А. Тургенева (1798 г.) // Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и журналистики. Сб. трудов молодых ученых. – Томск: Изд-во ТГУ, 2004. Вып. 5. – Ч. 1. – С. 94–98.